

М.В.Кирчанов

«Политика памяти» в современной Бразилии (2012—2022 гг.)

Цель данного исследования — анализ исторической политики в современной Бразилии. Автор рассматривает ее как политику памяти, направленную на поддержание или ревизию мемориального канона как фактора развития национальной идентичности и культуры памяти. Новизна работы состоит в рассмотрении особенностей и противоречий политики памяти в Бразилии, так как историческая политика принадлежит к числу проблем, которые в российской латиноамериканистике изучены незначительно. В статье проанализированы основные особенности исторической политики в Бразилии; развитие «мемориальных» дискуссий в Бразилии; потенциал исторических манипуляций в стране в контексте трансформации политической идентичности. Рассмотрены различия между левыми и правыми версиями политики памяти применительно к идеологическим фрагментациям бразильского общества. Предполагается, что историческая политика в современной Бразилии развивается в направлении деконструкции левого канона национальной памяти путем выдвижения альтернативных правых интерпретаций истории. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что политика памяти в Бразилии институционально неопределенна. В ее реализацию вовлечены различные акторы, представленные интеллектуалами и политическими элитами, принимающими участие в переоценке исторических событий и формировании нового мемориального канона бразильского общества.

Ключевые слова: Бразилия, историческая память, политика памяти, левые, правые, интеллектуальные сообщества.

DOI: 10.31857/S0044748X0019915-5

Статья поступила в редакцию 19.12.2021.

Историческая политика в современной историографии в последние годы стала одной из приоритетных тем. В международной историографии, сфокусированной на проблемах взаимосвязи истории и политической конъюнктуры, в отношении политики памяти утвердился стереотип, что это явление характерно для восточно-европейской политической культуры.

Максим Валерьевич Кирчанов — доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета, Воронежский государственный университет (ПФ, 394000 Воронеж, Университетская пл. 1, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksymkyrchanoff@gmail.com).

Подобная географическая ограниченность объясняется тем, что государства региона не достигли мемориального компромисса, не пришли к консенсусу в объяснении прошлого, интерпретации которого отягощены политическими и идеологическими противоречиями. Изучение вопросов исторической политики нередко ограничивается европейским опытом, а количество исследований политики памяти в других регионах продолжает оставаться незначительным.

Под исторической политикой, как правило, понимается «набор приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие» [1, с. 7]. Большинство историков склонны полагать, что описанные выше явления могут быть обнаружены в исторической памяти на уровне Восточной Европы. Это во многом происходит из-за неспособности элит достичь мемориального компромисса в условиях сохранения этнических и религиозных противоречий между сообществами региона.

Методологически статья основана на принципах историографии, сфокусированной на изучении мемориальных практик и исторической политики, трансформации национальной, социальной и культурной памяти. В центре подобных исследований — попытки социумов сформировать культуру памяти путем конструирования или деконструирования коллективного прошлого. Подобные культурные практики предусматривают установление набора коммеморативных практик, что достигается в результате ревизии более раннего мемориального канона. Считается, что такие версии памяти нестабильны, утрачивают свой консолидационный потенциал, так как перестают соответствовать запросам общества и элит.

Для бразильского общества характерны многочисленные социальные и экономические проблемы, актуальной является борьба с бедностью, но интерпретации прошлого могут привести к фрагментации общества не меньше, чем диспропорции в уровнях доходов населения. Несмотря на развитие общества в рамках демократической модели, вопросы трактовки наследия военного режима остаются неурегулированными. Противостояние между правыми элитами и преимущественно левыми интеллектуальными сообществами влекут за собой разобщение общества по «линии» оценок событий недавнего прошлого. Восприятие памяти в Бразилии многогранно, и в обществе сосуществуют различные версии идеологически мотивированного представления о тех или иных исторических событиях.

В центре внимания автора этого исследования находятся проблемы исторической политики современной Бразилии — государстве, где существуют различные интерпретации актуального прошлого, отягощенные политическими и идеологическими предпочтениями правящих элит и интеллектуальных сообществ. В число задач данной статьи входит анализ двух стратегий элит — левоориентированной Дилмы Руссефф (2011—2016 гг.) и правоориентированной Жаира Болсонару (2019 — н/в) — в деле продвижения одних моделей оценки прошлого за счет вытеснения и маргинализации других. Автор также рассматривает особенности «проработки прошлого» (путем формирования мемориального канона усилиями Национальной комиссии по установлению истины в 2012—2014 гг. и его ревизии, начиная с 2018 г.) как средства визуализации и сохранения политической памяти и идентичности.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В БРАЗИЛИИ: ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ

Историческая политика предусматривает вовлеченность государства в сферу восприятия истории и формирования образов прошлого на уровне общества. По мнению белорусско-литовского историка Г.Сагановича (Европейский гуманитарный университет, Вильнюс), причина в том, что профессиональная историография «все меньше влияет на историческое сознание общества» [2, с. 185] не только в национальной, но и в глобальной перспективе. Так, результаты труда представителей университетов и исследовательских институтов, с одной стороны, и общественных активистов, вовлеченных в политику памяти, — с другой, условно говоря, выполняют разные функции: от развития науки вообще до удовлетворения запросов элит при помощи манипуляций с фактами прошлого.

Анализируя политику памяти, следует выделить характерные черты подобного опыта в латиноамериканском контексте, однако, не свойственные Бразилии:

- создание в разной степени институционализированных структур (от институтов до музеев с открыто декларируемыми политическими и идеологическими целями), которые финансируются государством и призваны формировать санкционированные элитами версии исторической памяти. В современной Бразилии отсутствуют «институты памяти», «музеи террора» или специализированные музеи, формирующие негативный образ того или иного режима;

- принятие так называемых мемориальных законов, способствующих идеологически выверенному восприятию прошлого через утверждение определенных интерпретаций на уровне СМИ. В Бразилии мемориальные законы, близкие по содержанию к европейским, не принимались;

- финансовая зависимость от государства организаций, популяризирующих историю, с целью продвижения санкционированных интерпретаций. При этом материальная поддержка, осуществляемая для продвижения политически и идеологически мотивированного восприятия истории в Бразилии, не практикуется;

- ограничение доступа к архивам в сочетании с контролем над средствами массовой информации для регулирования производимых и тиражируемых ими нарративов. Право Бразилии не предусматривает подобных ограничительных мер.

Особенности исторической политики в целом, связанные с «изобретением» и «воображением» образов наиболее значимых событий и проведением коммеморативных мероприятий, не могут быть в полной мере перенесены в бразильские контексты. В современной Бразилии политика памяти отягощена идеологической фрагментацией общества. Поэтому его различные сегменты подвергают ревизии сложившиеся мемориальные каноны. Такая активность интеллектуалов неизбежно актуализирует диаметрально противоположные трактовки событий прошлого, представленные различными формами мемориальной культуры.

КОМИССИИ ПО ДОСТИЖЕНИЮ ИСТИНЫ КАК ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ФОРМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Историческая политика в разных странах мира выстраивается по-разному. В одних государствах (Россия, Германия, Франция) нет специальных институтов, в других (Польша, Чехия, Словакия) они существуют, а в третьих могут создаваться лишь на определенное время. Бразилию

можно отнести к последней группе. Там нет постоянных, специальных институтов, призванных корректировать модус национальной исторической памяти и сложившийся мемориальный канон. Функции Национальной комиссии по установлению истины (*Comissão Nacional da Verdade, CNV*) в значительной степени похожи на задачи, которые решают «институты памяти» в Европе, и комиссии в других латиноамериканских государствах.

Первыми странами Южной Америки, где были созданы подобные институты, стали Аргентина и Боливия. Национальная комиссия по расследованию исчезновений работала с 1982 по 1984 г. в Боливии, а в 1983 г. была сформирована аналогичная комиссия в Аргентине, призванная рассмотреть проблемы репрессий и пыток, имевшие место с 1976 по 1983 г. На протяжении 1990—1991 гг. Национальная комиссия по достижению истины и примирения (далее — Комиссия, так как названия подобных институтов в разных странах были похожи. — *М.К.*) рассматривала проблемы нарушения прав человека в Чили в период пребывания у власти Аугусто Пиночета (1974—1990 гг.). С 1992 по 1993 г. — в Сальвадоре, в 1997—1999 гг. в Гватемале Комиссия занималась расследованием военных преступлений, незаконного лишения свободы и применения пыток, происходивших, начиная с 1962 г. Аналогичные Комиссии функционировали в Панаме с 2000 по 2004 г., в Перу с 2001 по 2003 г. С 2016 по 2018 г. Комиссия со схожими функциями работала в Колумбии, но степень влияния ее деятельности на общество невелика по сравнению с аналогичными результатами, достигнутыми в этой области в других странах региона. Это объясняется тем, что страна на протяжении нескольких десятилетий находилась в состоянии гражданского конфликта, что усложняло примирение и выработку компромиссной версии исторической памяти.

Работе комиссий присущи некоторые особенности: они создавались в рамках перехода от авторитарного режима к демократии, и их деятельность была сосредоточена на преступлениях, совершенных вооруженными силами и спецслужбами. Сотрудники комиссий стремились сформировать компромиссное представление о прошлом, основанное как на осуждении лиц, ответственных за преступления, так и на возвращении имен репрессированных. В комиссиях работали практикующие юристы, общественные активисты и правозащитники, а также интеллектуалы, хотя профессиональные историки никогда не составляли большинства среди членов подобных структур. Общей чертой таких институтов был их временный характер, связанный с внешними условиями и особенностями политической конъюнктуры в латиноамериканских государствах. Поэтому, если в одних странах (например, в Аргентине и Чили) комиссии создавались практически сразу после начала демократического транзита, то в других (Бразилии) — спустя несколько десятилетий.

Деятельности подобных комиссий можно условно разделить на четыре этапа. Первый период датируется 1980-и годами, когда такие структуры были созданы в Аргентине и Боливии. Второй — работа комиссий, существовавших в 1990-е годы в Чили, Сальвадоре и Гватемале. Третий этап — 2000-е годы, ознаменованные формированием и деятельностью комиссий в Панаме и Перу. Четвертый период датируется 2010-и годами, что связано с активной работой комиссий в Бразилии и Колумбии. Таким образом, можно отметить, что *CNV* в Бразилии создана в рамках четвертой волны исторической политики в Латинской Америке, направленной на «проработку прошлого» в той его части, которая касалась коллективной травмы, связанной с нарушениями прав человека в период пребывания у власти военного режима.

CNV И ПЕРЕСМОТР МЕМОРИАЛЬНОГО КАНОНА (2012—2014 гг.)

CNV была создана Законом 12528/2011 и учреждена 16 мая 2012 г. Ее целью являлось расследование нарушений прав человека и преследований по политическим мотивам, которые имели место в Бразилии с 18 сентября 1946 г. по 5 октября 1988 г. Образование *CNV* было подчинено решению политических задач. Семь членов этой организации привела к присяге президент Дилма Руссефф. Институционализацию *CNV* поощряли и бывшие президенты страны Жозе Сарнеем (1985—1990 гг.), Фернанду Коллором де Меллу (1990—1992 гг.), Фернанду Энрике Кардозу (1995—2003 гг.) и Луисом Инасиу Лулой да Силвой (2003—2011 гг.) [3]. Бразилия пошла на учреждение *CNV* под внешним давлением: в 2010 г. Межамериканский суд Организации американских государств по правам человека осудил ее по иску, поданному родственниками погибших и пропавших без вести в результате проведения военных операций с 1972 по 1974 г. в регионе Мараба в штате Пара [3].

Комиссия не создавалась на регулярной основе, перед ней не ставились задачи радикальной ревизии исторических нарративов и формирования нового мемориального канона. Деятельность *CNV* была направлена на решение политических задач, касающихся консолидации общества, путем преодоления раскола, связанного с множественными интерпретациями периода военного режима. На церемонии открытия *CNV* Д.Руссефф подчеркивала, что категории «демократия» (*democracia*), «истина» (*verdade*), «память» (*memória*) и «история» (*história*) [4] в бразильской политической идентичности тесно связаны. Деятельность *CNV* была направлена на пересмотр истории Бразилии в период военного режима, что определило ее структуру [5] и приоритетные направления исследований. Они сводились к изучению репрессий, нарушений прав человека, коренных групп населения и применений пыток в отношении арестованных, преследований по политическим мотивам на национальном, региональном и международном уровне в отношении граждан Бразилии и иностранцев, а также роли церкви [6].

К моменту создания *CNV* в бразильском обществе существовали неоднозначные взгляды на исторические события. Подобно другим странам региона, которые переживали переход от авторитарных военных режимов к демократии, что сопровождалось пересмотром истории, «прошлое воспринималось как нечто негативное, как отклонение от “нормального” пути», что автоматически поставило перед элитами «задачи прощания с наследием и преодоление негативного опыта собственной траектории развития» [7]. Поэтому полный переход к демократии, как полагала Руссефф, был невозможен без ревизии истории и формирования нового мемориального канона. Она считала, что «некоторые режимы выживают, запрещая правду, но мы вправе надеяться, что при демократии правда, память и история выйдут из тени и станут известны, прежде всего, новым и будущим поколениям» [4]. В декабре 2013 г. мандат *CNV* был продлен до декабря 2014 г. Комиссия практиковала меры, характерные и для других версий политики памяти, расширяя доступ к архивам [8], где хранилась информация о жертвах политически мотивированного преследования. В результате работы *CNV* был упрощен доступ к делам членов семей жертв диктатуры и документам, переданным Аргентиной, ФРГ, Чили, США и Уругваем, касавшимся нарушения прав человека в период военного режима [9].

Практически с самого начала усилия членов *CNV* были сосредоточены на расследовании нарушений прав человека и фактов исчезновения противников режима. Поэтому *CNV* выпустила экспертные заключения, посвященные расследованию исчезновения оппонентов диктатуры, включая Карлоса Маригеллу [10] и Владимира Эрцога [11], а также возможной причастности вооруженных сил к смерти Жуселину Кубичека [12] и Жоау Гуларта [13]. Работа *CNV* была открытой, ее члены активно сотрудничали со СМИ. В итоге был запущен механизм исторической политики как формы придания монопольного статуса определенным интерпретациям прошлого, так как «даже правильно освещенная истина не способствует спасению социальной памяти, если она не раскрывается и не распространяется» [14].

В ходе своей деятельности *CNV* воспроизводила только некоторые методы из арсенала политики «проработки прошлого», применяемые в других странах. Комиссия преимущественно решала задачи, связанные с консолидацией демократического режима, который нуждался в символической легитимации. Работа *CNV* оказалась эффективной в том, что касалось пересмотра сложившегося компромиссного канона исторической памяти, основанного на игнорировании идеологически спорных вопросов новейшей истории Бразилии. Вместо поставленного под сомнение канона памяти был предложен новый мемориальный компромисс, базировавшийся на последовательном осуждении политического наследия военного режима.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАНОН В БРАЗИЛИИ (2014—2018 гг.)

Деятельность *CNV* была направлена на ревизию сложившегося к первой половине 2010-х годов мемориального канона, основанного на «амнезии» и замалчивании спорных моментов истории. Подобную роль *CNV* подчеркивала Руссефф, указывая на важность выработки нового канона исторической памяти, который позволит бразильскому обществу знать свою историю, так как «незнание истории не умиротворяет, а, наоборот, держит в латентном состоянии обиды и вражду» [4]. *CNV* воспринималась как институт, способный сформировать новый канон памяти с целью консолидации бразильского общества. Поэтому она воспользовалась услугами профессиональных историков: именно они становятся «авторами исторического нарратива, «изобретая» традиции, на которых и возникают коллективные идентичности» [15].

Руссефф указывала на фрагментированность исторической и политической памяти в стране, отягощенность идеологическими противоречиями. Она подчеркивала, что «Бразилия заслуживает правды, новые поколения заслуживают правды и, прежде всего, те, кто потерял друзей и родственников и продолжает страдать, как если бы они умирали снова и снова каждый день... так как истории без голоса не бывает» [4]. Попытки выработать новый мемориальный канон не только привели к осуждению военного режима, основанного на нарушении прав человека, но и к восприятию вооруженных сил как основного виновного, которому следует «признать свою институциональную ответственность» [14]. В бразильском обществе утвердилось мнение, что активность *CNV* была направлена на «поиск истины, спасение памяти и содействие национальному примирению» [14]. Это вписывалось в попытки сформировать новый компромиссный мемориальный канон, основанный не на забывании и замалчивании фактов нарушений прав человека, а на осуждении военного режима, который применял подобные методы.

Новый мемориальный канон в Бразилии возник к середине 2010-х годов в условиях ассимиляции истории обществом, которое выработало свой «широкий спектр реакций на прошлое, начиная с элементарных символов, неосознанных фрагментов информации о прошлом, представлений о причинно-следственных взаимосвязях, заканчивая историческими доктринами и схемами, ежедневно входящими в сознание людей» [16]. Бразильское общество, нуждавшееся в консолидированной версии собственного прошлого, проявило готовность воспринимать историю в форме доктрины. Предложенная версия исторической памяти в Бразилии сформировалась в условиях стабильного демократического режима, что указывает на реализацию в стране отложенной модели «политики прошлого». Попытки пересмотра сложившихся мемориальных культур в Бразилии в хронологической перспективе были отложены по сравнению с самими процессами демократизации второй половины 1980-х годов, начавшись в 2010-е годы, что сопровождалось изменением оценок как авторитарного режима, так и версий его истории, доминировавших в коллективной памяти.

РЕВИЗИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО КАНОНА В АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ (2018—2022 гг.)

Избрание в октябре 2018 г. президентом Бразилии Жаира Болсонару привело к попыткам пересмотра канона исторической памяти, который сложился в результате деятельности *CNV*. Одним из результатов работы *CNV* стала актуализация в исторической памяти моментов, связанных с нарушением прав человека в период военного режима. Ж.Болсонару еще до победы на выборах усомнился в универсальности мемориального канона, предложенного *CNV*, и попытался изменить векторы «функционирования» исторической памяти.

Если бы материалом коллективной памяти, по мнению французского социолога М.Хальбвакса, «были только даты или списки исторических фактов, она бы играла лишь второстепенную роль» [17]. В центре бразильской исторической памяти — проблемы подавления прав и свобод в условиях военного режима, что в обществе, где роль левых велика, превращает различные идеологически мотивированные модели восприятия недавней истории в повод для политической конфронтации. Еще в период предвыборной кампании Болсонару предпринимал попытки подвергнуть сомнению модель исторической памяти, основанную на последовательной критике армии, и публично критиковал Руссефф [18]. Болсонару считал, что предлагаемая версия исторической памяти является односторонней. Примером тенденциозности нового мемориального канона, по его мнению, стало посмертное осуждение полковника Карлоса Альберту Брильянте Устра [19]. В 2015 г. уже умерший к тому времени офицер был признан виновным в пытках левой активистки Марии Амелии Телес, имевших место между 1970 и 1974 гг. Публичная поддержка покойного полковника со стороны президента в целом расходилась с общими тенденциями развития исторической памяти в Бразилии.

Болсонару эффективно воспользовался противоречиями, существовавшими в бразильском интеллектуальном сообществе. Комментируя особенности современных интеллектуалов, П.Барковски полагает, что они столкнулись с ситуацией, в которой «необходимо продолжать деконструировать — критиковать и заново определять те смыслы, которые мы теряем в результате деполитизации политического мира... и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [20]. Особенностью бразиль-

ской ситуации стало то, что «деконструировать», «критиковать» и «определять» начали не интеллектуалы, а глава государства, предлагающий пересмотреть мемориальный канон, основанный на осуждении вооруженных сил за нарушение ими прав человека.

Болсонару позитивно относится к перевороту 31 марта 1964 г., который он определяет как «великий день свободы» и «второе провозглашение нашей независимости». Военный режим, по мнению нынешнего президента Бразилии, следует оценивать положительно, потому что бразильцы «прожили 20 лет не в период диктатуры, но при режиме сильной власти, которая позволила Бразилии расти, создав полную занятость, уважение прав человека, безопасность, любовь к родине и демократия... мы все спасли Бразилию от коммунизации, от диктаторского режима» [21]. Болсонару продвигает альтернативный канон памяти, формируя позитивный образ военного режима. Он признает преемственность собственной политики с той, которую проводила армия. Так, в 1999 г. Болсонару декларировал, что бразильское общество может измениться «только в том случае, если однажды мы начнем гражданскую войну здесь, внутри, и будем делать то, чего не делал военный режим» [18].

Журналистка электронного издания *Brasil de Fato* Катарина Барбоза предлагает, что Болсонару в своем отношении к истории «не скрывает ностальгии по военной диктатуре, будь то участие в продиктаторских действиях, милитаризация министерских структур или военные мероприятия» [22] и склонен позитивно интерпретировать историю военного режима как время спасения свободы от «ужасных бразильцев» [23], под которыми он понимает левых. Риторика Болсонару формирует альтернативный образ военного режима, подвергает ревизии мемориальный канон, возвращая бразильское общество в состояние, определяемое в историографии как «войны памяти» [24], то есть конфликт разных исторических памяти об общем прошлом. В Бразилии конфронтация по вопросам памяти ограничена правыми, идеализирующими военный режим, и левыми, склонными его осуждать.

По мнению болгарской исследовательницы Евгении Ивановой (Новый болгарский университет, София), «память или забвение определенных событий истории являются индикатором тенденций развития общества. Выбор памяти, героической или травматической, может определить не только отношения в обществе, но и наметить механизмы его модернизации» [25]. В Бразилии, несмотря на процессы демократизации, социум не смог в полной мере создать стабильный мемориальный канон и по-прежнему остается фрагментированным. Множественная память существует в героической и травматической версиях, основанных на актуализации образов — положительного или отрицательного — военного режима, редуцируя историю до коллективной травмы. Эти две версии поддерживаются правыми и левыми силами.

Высказывания Болсонару стали попыткой пересмотра сложившегося в Бразилии мемориального канона, основанного на осуждении военного режима. Президент предлагает альтернативную версию восприятия прошлого, основанную на реабилитации военных. О подобной позиции нынешнего главы государства свидетельствовали слова его пресс-секретаря Оттавиу Регу Барроса, которые отражали отношение Болсонару к перевороту 1964 г.: «Президент не считает 31 марта 1964 г. военным переворотом. Он считает, что общество, гражданское и военное, собравшись и осознав опасность, которую в тот момент грозила стране, объединилось, и нам удалось восстановить нашу страну. Если бы этого не произошло, если бы не

здравый смысл, сегодня у нас здесь было бы такое правительство, от которого никому не было бы хорошо» [21].

Продвигая подобные интерпретации военного режима, Болсонару стремится сформировать альтернативный канон памяти, используя при этом язык мифа. Политические мифы функционируют как «способ и форма сохранения и расширения знаний о прошлом» [26]. В этом контексте они принадлежат к коллективной памяти, на ревизию которой и направлены усилия президента. В политическом дискурсе Болсонару вооруженные силы воспринимаются как жертвы более ранних попыток пересмотра истории, инициированных левыми. Президент регулярно отвергает обвинения армии в нарушениях прав человека в период военного режима, полагая, что «ни у кого нет никаких доказательств» [27], например, в отношении убийства в 1975 г. известного левого журналиста Владимира Эрцога. Подвергая сомнению мемориальный канон, сформированный левыми, Болсонару оправдывает репрессивные действия военного режима, подчеркивая, что «ошибка диктатуры заключалась в том, что пытали, а не убивали» [18].

Подобные высказывания бразильского президента свидетельствуют о наличии в обществе множества представлений о прошлом: если левые стремятся сформировать канон памяти, основанный на демонизации военного режима, то правые предпринимают попытки поставить под сомнение мемориальный канон, сформированный *CNV*.

Отсутствие формальных институтов, интегрированных в механизм государственной власти, и довольно высокая степень разделения общества определили ряд особенностей исторической политики в Бразилии, характеризующейся тем, что в ней так и не сформировался стабильный мемориальный канон.

Современное бразильское общество фрагментировано в том, что касается восприятия прошлого, а границы между различными версиями исторической памяти проходят по линии приверженности граждан правой или левой идеологии. Бразильцы неоригинальны в своих подходах к «проработке прошлого». Поэтому Бразилия пошла по пути других латиноамериканских государств, ограниченно используя институциональный ресурс. В стране была создана *CNV*, основной задачей которой было формирование компромиссного канона исторической памяти, но эффект от ее деятельности оказался крайне ограниченным.

Бразильская версия исторической политики основана на вовлечении в деконструкцию старого и выработку нового мемориального канона интеллектуалов или представителей политических элит. Политика памяти осуществляется в форме общественных дебатов относительно отдельных идеологически отягощенных моментов истории. На протяжении 1990—2010-х годов историческая память в Бразилии функционировала в условиях политического и интеллектуального усиления левых настроений, что привело к ее временной консолидации на основе демонизации военного режима и единства в восприятии преступлений и нарушений прав человека, совершенных с 1965 по 1985 г.

Культура памяти современного бразильского общества нестабильна. Тенденции к ревизии и даже деконструкции канона сложились в конце 2010-х годов, что было связано с избранием Болсонару президентом страны. Болсонару, известный своими правыми взглядами, начал проводить политику последовательного пересмотра сложившегося мемориального канона. Это проявилось в попытках ослабления левых интерпретаций прошлого, в реабилитации вооруженных сил и несогласии с предъявляемыми им обвинениями в нарушениях прав человека. Фактически в бразильском

обществе сосуществуют взаимоисключающие версии исторической памяти, так как они основаны на восприятии истории в правой или левой системе координат.

Политика памяти в Бразилии находится в рамках институциональной неопределенности, множественности акторов, вовлеченных в процессы ревизии истории, деконструкции мемориального канона и формирования нарративов, претендующих на определение границ и особенностей новой версии мемориального канона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Миллер А.И. Россия: Власть и история. *Pro et Contra*, М., 2009, № 3–4, сс. 6–23. [Miller A.I. Rossiya: Vlast' i istoriya [Russia: Power and History]. *Pro et Contra*, Moscow, 2009, N 3–4, pp. 6–23 (In Russ.).]
2. Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў. *Беларускі Гістарычны Агляд*, Вільнюс, 2013, Т. 20, № 1 – 2, сс. 173 – 188. [Saganovich G. Bezuladdze i prawladsnasc belaruskich gistorykaw [Anarchy and the rule of Belarusian historians]. *Belaruskі Gistarychny Agljad*, Vilnius, 2013, vol. 20, N 1–2, pp. 173–188.]
3. A instalação da Comissão Nacional da Verdade, em 16 de maio de 2012. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/a-cnv/57-a-instalacao-da-comissao-nacional-da-verdade.html> (accessed: 17.04.2021).
4. Discurso da Presidenta da República, Dilma Rousseff, na cerimônia de instalação da Comissão da Verdade. Palácio do Planalto, 16 de maio de 2012. Available at: <http://www.biblioteca.presidencia.gov.br/presidencia/ex-presidentes/dilma-rousseff/discursos/discursos-da-presidenta/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-instalacao-da-comissao-da-verdade-brasilia-df> (accessed: 17.04.2021).
5. Decreto Nº 7.919, de 14 de fevereiro de 2013 que estrutura a Comissão Nacional da Verdade. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/Decreto/D7919.htm (accessed: 17.04.2021).
6. Plano de Trabalho da Comissão Nacional da Verdade. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/a-cnv/60-plano-de-trabalho-da-comissao-nacional-da-verdade.html> (accessed: 17.04.2021).
7. Ластоўскі А. Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка. *Палітычная сфера*, Вільнюс, 2016, № 1, сс. 37 – 55. [Lastowski A. Prapracowka kamunistycznaga minulaga w Slavakii: asnownyja faktary i dynamika [Study of the communist past in Slovakia: the main factors and dynamics]. *Palitychnaja sfera*, Vilnius, 2016, N 1, pp. 37–55.]
8. Regimento Interno da Comissão Nacional da Verdade. Resolução nº 08, de 04 de março de 2013. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/a-cnv/59-regimento-interno-da-comissao-nacional-da-verdade.html> (accessed: 17.04.2021).
9. Acervo da Comissão Nacional da Verdade, 05 de Agosto de 2015. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/acervo.html> (accessed: 17.04.2021).
10. Análise dos elementos materiais produzidos em função da morte de Carlos Marighella. No 156/2012. Available at: http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/images/pdf/laudos/analise_carlos_marighella.pdf (accessed: 17.04.2021).
11. Laudo pericial indireto produzido em decorrência da morte de Vladimir Herzog. Available at: http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/images/pdf/laudos/analise_vladimir_herzog.pdf (accessed: 17.04.2021).
12. Laudo referente à análise dos elementos materiais produzidos em função da morte do ex-presidente Juscelino Kubitschek de Oliveira e de Geraldo Ribeiro. Available at: http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/images/pdf/laudos/analise_jk.pdf (accessed: 17.04.2021).
13. Laudo nº 1816/2014 - INC/DITEC/DPF, de 28 de novembro de 2014, de perícia sobre os restos mortais do ex-presidente João Goulart, realizado pelo Instituto Nacional de Criminalística

do Departamento de Polícia Federal. Available at: http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/images/documentos/Capitulo2/Nota%2043-00092_003341_2014_69.pdf (accessed: 17.04.2021).

14. Verdade, Memória e Reconciliação // Folha de São Paulo. 10 de dezembro de 2014. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/institucional-acesso-informacao/verdade-e-reconciliacao.html> (accessed: 17.04.2021).

15. Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі. *Беларускі Гістарычны Агляд*, Вільнюс., 2010, Т. 17, № 1–2, сс. 89–116. [Saganovich G. Tanjenberg / Grunval'd / Dubrowna 1410: simvalizacyja bitvy w Belarusi [Tannen-berg / Grunwald / Dubrovno 1410: symbolization of the battle in Belarus]. *Belaruski Gistarychny Agljad*, Vilnius, 2010, vol. 17, N 1–2, pp. 89–116.

16. Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі. *Беларускі Гістарычны Агляд*, Вільнюс, 2012, Т. 19, № 1 – 2, сс. 179–212. [Markava A. Gistarychnaja svjedomasc jak pradmet samarjefleksii w chjeshskaj gistoryjagrafii. [Historical consciousness as a subject of self-reflection in Czech historiography]. *Belaruski Gistarychny Agljad*, Vilnius, 2012, vol. 19, N 1–2, pp. 179–212.

17. Halbwachs M. La mémoire collective et le temps. *Cahiers internationaux de sociologie*, 1996, No 101. pp. 45–65.

18. Bolsonaro em 25 frases polêmicas. *Carta Capital*. 2018. 29 de outubro de 2018. Available at: <https://www.cartacapital.com.br/politica/bolsonaro-em-25-frases-polemicas/> (accessed: 17.04.2021).

19. Jair Bolsonaro, candidato à Presidência pelo PSL, durante o programa Roda Viva, da TV Cultura, no dia 30 de julho de 2018. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=IDL59dkeTi0> (accessed: 17.04.2021).

20. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер. *Палітычная сфера*, Вільнюс, 2013, № 2, сс. 94–96. [Barkowski P. Intelektualny manifest: tut i cjafer [Intellectual Manifesto: here and now]. *Palitychnaja sfera*, Vilnius, 2013, N 2, pp. 94–96.

21. Mergulhão A., Castro R. Oito vezes em que Bolsonaro defendeu o golpe de 64. *O Globo*. 31 de março de 2021. Available at: <https://oglobo.globo.com/epoca/brasil/oito-vezes-em-que-bolsonaro-defendeu-golpe-de-64-24949762> (accessed: 17.04.2021).

22. Barbosa C. Relembre 7 vezes em que o governo Bolsonaro se espelhou no Brasil da ditadura militar. *Brasil de Fato*. 31 de Março de 2021. Available at: <https://www.brasildefato.com.br/2021/03/31/relembre-7-vezes-em-que-o-governo-bolsonaro-se-espelhou-no-brasil-da-ditadura-militar> (accessed: 17.04.2021).

23. Freitas C. Bolsonaro exalta ditadura militar e volta a dizer que Forças Armadas garantirão “liberdade”. *Valor Econômico*. 15 de abril de 2021. Available at: <https://valor.globo.com/politica/noticia/2021/04/15/bolsonaro-exalta-ditadura-militar-e-volta-a-dizer-que-forcas-armadas-garantirao-liberdade.ghtml> (accessed: 17.05.2021).

24. Filho J.R.M., Thompson T. The War of Memory: The Brazilian Military Dictatorship according to Militants and Military Men. *Latin American Perspectives*. Riverside, 2009, Vol. 36, No 5, pp. 89–107.

25. Иванова Е. Консенсуси на българската памет. *Либерален преглед*. София, 2012. 29 март [Ivanova E. Konsensusi na bŭlgarskata pamet [Consensus of Bulgarian memory]. *Liberalen pregled*. Sofia, 2012, 29 mart. Available at: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45> (accessed: 17.04.2021).

26. Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні. *Беларускі Гістарычны Агляд*, Вільнюс, 2012, №. 1–2, сс. 213–238. [Saganovich G. Palitychny mif u gistorychnaj pamjaci i gistoryjapisanni [Political myth in historical memory and historiography]. *Belaruski Gistarychny Agljad*, Vilnius, 2012, N 1–2, pp. 213–238.

27. Jair Bolsonaro eleito: veja aqui 110 frases ditas por ele e checadas pela Lupa em 2018. *Agência Lupa*. 28 de outubro de 2018. Available at: <https://piaui.folha.uol.com.br/lupa/2018/10/28/tudo-sobre-bolsonaro/> (accessed: 17.04.2021).

Maksym W.Kyrchanoff (maksymkyrchanoff@gmail.com)

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University

Universitetskaya sq. 1, 394000 Voronezh, Russian Federation

«The politics of memory» in modern Brazil (2012—2022)

Abstract: The purpose of this study is to analyze the historical politics in modern Brazil. The author analyzes historical politics as a politics of memory aimed to maintain and revise the memorial canon as a factor in the development of national identity and culture of memory. The novelty of the study lies in the analysis of the features and contradictions of the politics of memory in Brazil, since historical politics is one of the problems that have not been studied enough in Latin American studies in Russian historiography. The article analyzes 1) the main features of historical politics in Brazil, 2) the development of "memorial" discussions in Brazil, 3) the potential of historical manipulations in Brazil in contexts of the transformation of political identity. The article analyzes the differences between left and right versions of the politics of memory in the context of the ideological fragmentation of Brazilian society. It is assumed that historical politics in modern Brazil develops as a deconstruction of the left canon of national memory by putting forward alternative right-wing interpretations of history. The results of the study suggest that the politics of memory in Brazil is institutionally undetermined, various actors are involved in its implementation, represented by intellectuals and political elites who participate in the revision of history and the formation of a new memorial canon of Brazilian society.

Keywords: Brazil, historical memory, politics of memory, left, right, intellectual communities.

DOI: 10.31857/S0044748X0019915-5

Received 19.12.2021.